

Павел Бажов

Шелковая горка

Наше семейство из коренных невянских будет. На этом самом заводе начало получило. Теперь, конечно, людей нашей фамилии по разным местам можно встретить, только вот эта усадьба, на которой мы с тобой разговариваем, наша початочная. До большого невянского пожара тут, помню, избушечка стояла. Она покойному родителю от дедушки досталась, а тот не сам ее строил, - тоже по наследству получил. Небольшая избушка. Ну, рублена из кондового лесу. Такого по нынешним временам близко жилья не найдешь. Дивиться надо, как старики такие бревна ворочали. Что ни венец, то и аршин. На сотни годов ставили.

Вот и посчитай, сколько времени наше семейство на этом месте проживает, коли большой невянский пожар пришелся на голодный 91-й год. С той поры близко шести десятков прошло, а от начала-то сколько?

Тоже, поди, за эти годы наши семейные что-нибудь видели. И глухонемых в роду не бывало. Одни, значит, рассказывали, другие слушали, а потом сами рассказывали. Если такое собрать, много занятного окажется.

Это я вот к чему.

Наш Невьянский завод считается самым старым в здешнем краю. К двумстам пятидесяти подвигается, как тут выпущен был первый чугуна, а мастера Семен Тумаков да Аверкий Петров проковали первое железо и за своими мастерскими клеймами отправили на воеводский двор в Верхотурье. Строитель завода Семен Куприяныч Вакулин - спасибо ему - не забыл об этом записать, а то мы бы и не знали, кто починал наше железко, коим весь край живет столько годов. Понятно, что всякий, кому понадобится о заводской старине рассказать, непременно с нашего завода начинает. Случалось мне, читывал. Не одна книжка про это составлена. Одно плохо, - все больше про хозяев заводских Демидовых пишут. Сперва побасенку расскажут, как Никита Демидов царю Петру пистолет починил и за это будто бы в подарок получил только что отстроенный первый завод, а потом примутся расписывать про демидовскую жизнь. Кому охота, может по этим книжкам и то узнать, где какой Демидов женился, каких родов жену взял и какое приданое за ней получил, в котором месте умер и какой ему памятник поставили: то ли из итальянского мрамора, то ли из здешнего чугуна. Известно, хозяева старались высоко себя поставить.

Не стану хаять первых Демидовых: Никиту да Акинфия. Конечно, трудно от них народу приходилось, и большие деньги они себе заграбастали, только и дело большое поставили и умели не то что в большом, а и в самом маленьком полезную выдумку поймать и в ход пустить. И за то этих двух Демидовых похвалить можно, что за иноземцев не хватались, на свой народ надеялись. Ну, все-таки не сами Демидовы руду искали, не сами плавил да до дела доводили. А ведь тут много зорких глаз да умелых рук требовалось. Немало и смекалки и выдумки приложено, чтоб демидовское железо на славу вышло и за границу поехало. Знаменитые, надо думать, мастера были, да в запись не попали. Думал, - в этих годах про них по архивам раскопают, да не дождался пока. В книжках, какие в недавних годах вышли, перебирают старое на новый лад, а толк один: все Демидовы да Демидовы, будто, и не было тех людей, кои самих Демидовых столь высоко, подняли, что их стало видно на сотни годов.

Старину, конечно, зря ворошить не к чему, а бывает, что она вроде и понадобится. Недавно вот такой случай вышел.

Моей старшей дочери с вешней Авдотьи, с Плющихи-то, пятидесятый пошел. Сама давно бабушкой стала. Так вот ее-то внучонок, мой, стало быть, правнучек, прибежал ко мне.

Полакомиться, видно, медком захотелось, потому как я всегда к пчелкам приверженность имел. Раньше, как на заводе работал, улей-два держал, а теперь на старости лет одно у меня занятие - за

пчелками ходить. Прибежал Алексейко и говорит:

- Дедушко, я пособлять тебе пришел, - мед выкачивать.

Лето нынешнее не больно удалось для пчелиного сбора. Ну, для такого пособника как не найти кусочка. Вырезал ему сотового медку.

- Ешь на здоровье! А качать будем, когда время придет.

Поедает Алексейко медок, а сам старается рассказать все свои ребячьи новости. Шустрый он у нас мальчонка, разговорчивый и книжку почитать любит. В этом разговоре вдруг и спрашивает меня:

- Дедушко, ты слыхал про камень-асбест?

- Как, - отвечаю, - не слыхал, коли в наших местах его сперва раскопали и в дело произвели.

Алексейко и говорит:

- Неправильно ты, дедушко, судишь. В Итальянской земле это дело началось. Там одна женщина Елена, по фамилии Перпенти, самая первая научилась из асбеста нитки прясть, и Наполеону, когда он был в Итальянской земле, поднесла, говорят, неопалимый воротник. За эту выдумку, что она научилась с асбестом обходиться, эту женщину наградили, медаль особенную выбили для почету. А было это в тысяча восемьсот шестом году. В книжке так напечатано, а ты говоришь, - в нашем заводе!

Ребенок, конечно. Чужие слова говорит, а все-таки обидно слушать. Печатают, а того не сообразят, что Акинфий Демидов чуть не сотней годов раньше Наполеона жил, а про этого Акинфия рассказывают, что поделками из каменной кудели он весь дворец царский удивлял. Значит, тогда уж в нашем заводе научились из асбеста прясть и ткать, плести- вязать. А как это случилось, мне не раз доводилось слышать в своем родстве. Вот и говорю Алексеюку:

- Ты про итальянскую Елену вычитал, а теперь послушай про нашу невьянскую Марфушу. Она, ежели разобраться, тебе и в родстве придется. Этакая же, сказывают, курносенькая да рябенькая была и посмеяться любила. По этой примете ей кличку дали - Марфуша Зубомойка.

Жила эта Марфуша Зубомойка в давних годах. Тогда еще не то что Наполеона, а и бабушки его на свете не было. Заводскими делами управлял тогда в наших местах Акинфий Демидов. Он, конечно, сам рудниками да заводами занимался, только и мелкое хозяйство на примете держал. В числе прочего была при барском доме обширная рукодельня. Пряли да ткали там, шитье тоже, вязанье да плетенье и разное такое рукоделье. В эту рукодельню брали больше сироток, а когда и девчонок из многодетных домов. Держали их в рукодельне до выданья замуж, а кои посмышленее окажутся, тех и вовсе не отпускали. Девчонки знали про это и старались раденья не оказывать. Ну, их строгостью донимали. Управляла рукодельней какая-то демидовская сродственница Фетинья Давыдовна. Вовсе еще не старая, а до того выкомура да придира, что и в старухах редко такую найдешь. Одно слово, мучительница.

Меж рукодельниц были и такие, кои себя с малых лет показали. Этих Фетинья больше всех допекала. Как хорошо ни сделают, она найдет изъян, уроку надбавит да еще и наколотит. На это у нее больно проста рука была. Ясное дело, от такого-то житья добрым мастерицам хоть в воду. Случалось, и в бега пускались, да удачи не выходило: поймают, на конюшне выпорют да той же Фетинье сдадут, а хозяин еще накажет:

- Ты гляди за девками-то! Не разевай рот. В случае и самой плетей отпущу. Не жалко мне.

После такого хозяйского наказу Фетинья того пуще лютует. Прямо всем житья не стало, а Марфуше Зубомойке на особицу.

Эта девушка, говорят, из себя не больно казиста была, а характеру легкого, веселая и до того на работу ловкая, что любой урок ей нипочем. Будто играючи его делала. Ну, а давно примечено, что люди вроде Фетиньи сильно веселых не любят: все им охота прижать до слезы, а Марфуша не поддавалась да еще своим мастерством маленько загораживалась. Хозяйка и сам хозяин знали ее за

самолучшую мастерицу и, чуть что похитрее понадобится, говорили Фетинье:

- Пошли Марфутку. Заказ ей будет. Да, гляди, не путай девку. Сама пусть нитку сготовит и узор на свой глаз выберет.

Фетинье эти хозяйские заказы, как окалина в глаз: все время покою не дает и со слезой не выкатывается, потому - с зазубринками. Тут еще добавок получился. В демидовской дворне появился новый пришлый. Как его по-настоящему звали, никто не знал. Он, видишь, из беглых с казенных заводов был, в руде да каменьях толк понимал. Демидов такого с охотой принял, велел его кормить в одном застолье с самыми близкими своими слугами, а насчет старого сказал:

- Как тебя раньше звали, про то забудь. По моим бумагам будешь называться Юрко Шмель из Рязанской земли, а годов себе считай с Егорьева дня тридцать пять.

Тут еще вычитал по бумаге, что куплен у помещика такого-то, из такой-то деревни и шуткой добавил:

- А какой он, этот помещик, - старый ли молодой, лысый ли кудрявый, большой ли маленький, - это уж как тебе приснится. Ни я, ни ты его не видывали, а на случай, если спрашивать станут, придумай и этого держись.

В ту пору этакое бывало. Демидовские прислужники по разным местам у помещиков покупали беглых крепостных с условием, - если поймают, на завод навсегда забрать. На деле вовсе и не думали ловить, а по этим бумагам всяких пришлых принимали. Старались, конечно, подгонять по годам, но бывало и так, что молодого зачисляли по стариковским бумагам. Если заживется, несуразно выходило: считает себе человек чуть не сотню годов, а на деле и полсотни нет.

Так вот... Этот Юрко Шмель приглянулся Фетинье, а он давай на Марфушу заглядываться.

Фетинья это заметила и только о том и думала, как бы девку со свету сжить. Ну, тут случай подошел, что Марфуше удалось из-под фетиньиной руки выскользнуть. В семье, из которой она в рукодельню попала, беда приключилась: большие все на одном году померли, остались одни малолетки. Старшему восьмой годок, младшему - два. Демидов и велел приказчику:

- Переведи Марфутку домой. Пускай за ребятами ходит, пока для заводского дела не подрастут. Фетинье это столь не любо показалось, что сунулась к Демидову с разговором, а тот сразу брови свел.

- Что за речи? Какое твое в этом деле разуменье? Там, поди-ка, пятеро парнишек остались.

Вырастут- железо ковать станут, не твои дырки из ниток выплетать. И того не забывай, с хозяином разговаривают, когда он спрашивает, а не то и Митроху крикнуть можно. Вон он, и кнут при нем!

А приказчику наказал:

- Ты им месячину выдавай, как полагается, и вели девке, чтоб обиходила избу да за ребятами ходила как следует. Своих-то работников растить все-таки дешевле обойдется, чем покупать на стороне.

Фетинья, понятно, язык прикусила, а сама думает: не я буду, коли эту девку не изведу. И верно, по прошествии малого времени добилась через хозяйку, чтоб опять Марфуше тонкую работу давать. Что, дескать, ей вечерами делать, как ребяташки улягутся спать. Чем песни петь да ляды с соседками точить, пусть-ка на господ маленько поработает. Про себя, конечно, другое думала. В маленькой избушке да при пятерке малолетков непременно она работу испортит, тогда и потешусь над ней: подведу под митрохин кнут да суну этому псу полтину, так он эту девку до смерти забьет, будто ненароком.

Хозяйка все-таки спросила у мужа, а тот ухмыльнулся:

- Это тебя Фетинья за уши водит, - на своем поставить хочет. Сказал ведь, - работники мне нужнее всякого вашего тонкого рукоделья.

Потом, мало погодя, говорит:

- Коли надобность есть, попробуй, только сама заказы давай, сама и принимай.

Вышло не так, как Фетинья хотела, а все-таки она надежды не потеряла, по-своему думала: испортит Марфуша припас, так по-другому хозяин заговорит, потому привык за каждый грош зубами держаться. Только Марфуша, видно, удачливая была, все у нее гладко проходило. Правду сказать, эти хозяйские заказы ей к руке пришлось. Сколь ни тяжело доводилось в новом житье, а по привычной работе Марфуша маленько тосковала, а тут она, как говорится, сама пришла. Намотается за день с ребятами, а вечером, глядишь, и посидит часок-другой. Вместо отдыха ей, а при ее-то руках столько сделает, что другая и за день не одолеет. Хозяйка ей даже поблажку дала.

- При лучине-то, - говорит, - одной неспособно, так ты лампадку зажигай. Масла велю давать безотказно.

Да еще и пособник у Марфуши оказался. Юрко Шмель нет-нет и зайдет навестить, как сиротская семья живет. Вечерами, конечно, Марфуша его не пускала, чтоб зряшного разговору не вышло, а днем - милости просим. Он прибежит и всю мужичью работу, какая накопилась, живо справит. Ну, и разговоры всякие меж ними бывали, а про работу в первую очередь. Известно, чем человек живет, о том и думает. Раз как-то Марфуша и спросила:

- На Шелковой горке это какой камень сзелена и мягкий? Если его поколотить чем тяжелым, так он распухнет, как куделя.

- Не знаю, - говорит, - не случалось видать такой, камень и про Шелковую горку не слыхал. Марфуша и объяснила:

- За прудом. Вовсе недалеко. Летом по ягоды туда ходят. Небольшая горка, а заметная. Сдала поглядеть, так на ней ровно шелковые платки разбросаны. А все это тот камень действует: на солнышке-то блестит и зеленым отливает.

Юрко говорит:

- Надо поглядеть. По рассказу на слюду похоже, только зеленое тут ни к чему. Завтра же сбегаю на твою Шелковую горку, благо день воскресный.

Марфуша рассказала, как Шелковую горку найти, и на другой день Юрко приволок целый мешок камней.

- Видать, - говорит, - камень любопытный. Хозяину про него сперва не скажу, сам испытывать буду и у других поспрашаю, не знают ли насчет этого.

Стал тут перебирать камешки, а Марфуша подошла. Занятно показалось. Поколотишь с уголка, а он и распухнет - куделя куделей. Марфуша, как она с малых лет привыкла с нитками обходиться, попробовала прясть, да не скручиваются эти волоконца. Ребятишки, кои побольше, тоже потянулись из камешков куделю делать. Насорили, понятно, по полу, по лавкам, по всей середе. Потом, как Юрко ушел, Марфуша подмела пол и сор в печку бросила, а сама еще подумала: "Нет худа без добра: сору много, зато растопки завтра не надо".

Утром, как водится, затопила печку. Протопилась она, а сор как был, так и остался. Марфуша сказала Юрку:

- Не горит ведь эта каменная куделя!

- И по моему испытанию это же выходит, - отвечает Юрко. - На огонь пробовал, на кислоту пробовал, одно понял, - какой-то вовсе незнакомый камень. Буду дальше его испытывать.

У Марфуши свое на уме: научиться бы прясть эту каменную куделю. Вот бы диво, кабы из таких ниток что-нибудь связать, либо кружева сплести.

Что ни делает, а эта думка покою не дает. Истолкла в ступке сколько-то камешков, мелочь отобрала, пыль отсеяла, - стала у нее куделя вроде настоящей, а не скручивается в нитку. Так и смя перепробовала: с хлебным клеєм, овчинным, с рыбьей кишкой, с кровью - нет, не выходит. С простой куделей идет, да нитка толста и не то выходит, что надо. Ну, все-таки дошла, что с

деревянным маслом прясть можно. Не больно крепкая нитка, а для вязанья да плетенья годится. Сказала Юрку. Тот рад- радехонек.

- Свяжи, - говорит, - хозяину кошелек да хозяйке сколько-нибудь кружев сплети, тогда, может, нам жениться дозволят.

Юрко об этом уж спрашивал у Демидова, да не в час попал, буркнул только в ответ:

- Выбирай какую из спелых девок, эта у меня к другому делу поставлена. Ты туда и дорожку забудь.

Юрко, понятно, дорогу не забыл, а все-таки таиться пришлось, заходить с оглядкой, чтоб кто из барских наушников не увидел. Фетинья, конечно, это разнюхала и побежала сказать хозяину, да тоже, видно, не в час попала. Строго поглядел:

- Без тебя знаю. Срок придет, сделаю, что надо, а ты за рукодельней своей доглядывай.

Демидов, видишь, и то знал через своих доглядчиков, что Юрко Шмель испытывает какой-то новый камень. Мешать этому не велел, а только приказал:

- Глядите, чтоб оба в бега не кинулись. Прозеваете, худо будет.

Фетинья из хозяйского разговору поняла, что Юрку кнута не миновать. Обрадовалась этому, потом забеспокоилась, как бы Марфуша от расправы не ускользнула. До того себя этим растрвила, что решила подвод сделать. Выждала время, когда Марфуше надо было за месячиной в господские амбары итти, и прибежала к ней в избушку. На то рассчитывала, чтоб хозяйский заказ испортить, либо унести. А у Марфуши такой порядок велся: когда случалось ребятишек одних оставлять, она хозяйский заказ в сундучок запирала, а свою работу из негорючей-то нитки поднимала на полатный брус, чтоб ребята не достали. Фетинья огляделась, видит, - на брусу коклюшечная подушка, и кружев на ней готовых много наколото. Того не смекнула, что из какой-то небывалой пряжи плетенье. Думала, - хозяйский заказ. Сорвала готовое, сунула под шаль и убежала.

Прибежала в рукодельню - а зимой дело было, и печи топились - и сразу к печке, будто погреться, да незаметно и бросила что-то в огонь из-под шали. Девчонки, которые поближе сидели, заметили, конечно, только виду не показали, а Фетинья отошла от печки и говорит:

- Теперь пусть-ка вывернется, удачливая.

Пришла Марфуша домой. Старшие ребятишки ей рассказали, что была тетенька из рукодельни и с брусу подушку брала. Марфуше обидно: столько билась над пряжей, а ее нет. Побежала хозяйке жаловаться, да против самой рукодельни и набежала на хозяина. Тот в молотовую шел, и палач Митроха, как привычно, поблизости от хозяина. Марфуша насмелилась, да и говорит:

- Батюшка Акинфий Никитич, заступись за сироту.

Демидов остановился:

- Ну, что у тебя?

Марфуша стала рассказывать. Демидов, как услышал, что разговор о кружевах, зверем заревел:

- Что? Ты ополоумела, девка? Стану я ваши бабьи дела разбирать. Митроха!

Палач по своей собачьей должности тут как тут;

- Что прикажете?

- Волоки эту девку в рукодельню. Дай ей плетью половину начальной бабьей меры, чтоб запомнила, как с хозяином о пустяках говорить, и прочим для острастка!

С Митрохой какой разговор? За шиворот взял да пробурчал:

- Пойдем, девка!

Пришла в рукодельню. Фетинья радуется, что так скоро по ее желанию сбылось. Велела скамейку на средину вытащить. Марфуша, как увидела Фетинью, закричала:

- А все-таки мы с Юрком негорючую пряжу придумали. Тебе и сейчас не дознаться, как она сделана,

Марфуша, видишь, подумала, что Фетинья хочет чужую выдумку за свою выдать. Демидов опять, как про Юрка она помянула, другое подумал: не про тот ли камень разговор, что Юрко тайком от хозяина испытывает? Махнул рукой Митрохе: - погоди! - и спрашивает:

- Какая негорючая пряжа? О чем бормочешь? Юрко тут с которой стороны пристегнулся?

Марфуша и рассказала все по порядку, только того не сказала, как прясть каменную куделю.

Демидов тогда и - спрашивает Фетинью:

- Была у нее?

Фетинья зачастила:

- Была, батюшка Акинфий Никитич, была. Узнать хотела, скоро ли заказ сготовит... Да разве ее застанешь. Шатается где-то, а ребята одни- одиныхоньки. Не мыты, не прибраны. Глядеть тошно, плюнула да скорей из избы.

- Кто посылал?

Фетинья тут замялась. Тогда Демидов и говорит:

- Подавай кружева!

Фетинья заклалась - забожилась, - не ведаю, а Демидов еще строже:

- Подавай, говорю!

Та опять клянется-божится, а Демидов мотнул головой Митрохе:

- Польсай кнутом с полной руки, пока не признается.

Фетинья видит, - не миновать беды, озлилась и завизжала:

- Ее-то негорючие кружева вон в той печке сгорели.

Девчонка, которая видела, как Фетинья что-то в печку бросила, живо отпахнула заслонку и говорит:

- Тут они. Сверху лежат.

Демидов велел вытащить. Оказалось, целехоньки кружева. Демидов тогда и вовсе залюбопытствовал.

- Пойдем, Марфутка. Кажи, из какого камня и как делала. Юрка Шмеля туда же позвать. Без промедления! Митрохе велел:

- Ты доведи Фетинью до полного разума, чтоб навек забыла совать свой нос в большое дело!

Митроха и порадел хозяйской родне: так употчевал, что едва жива осталась. Потом Демидов ворчал на Митроху:

- Всего без разума хлещешь. Баба при деле была, а теперь куда ее.

Митроха своим обычаем отговаривался:

- Разум - дело хозяйское. Сколь он укажет, столько и отпущу.

А дело - и верно - с каменной куделей большое оказалось.

Демидов, как разузнал все до тонкости, свою рукодельню повернул на поделку из каменной кудели и накрепко заказал, чтоб на сторону это не выносить.

В рукодельне и пряли, и ткали, плели и вязали из каменной кудели, а как случится Демидову в столицу ехать, он всю эту поделку с собой увозил. Мужик, конечно, хитрый был: знал, кому и зачем подарить диковину, коя в огне не горит. Большую, сказывают, выгоду себе от этих подарков получил.

Марфуше только то и досталось, что свою долю с Юрком Шмелем они получили. Дозволил им Демидов пожениться, усадьбу отвел да сказал:

- Старая изба за ребятами останется, а на этом месте можете строиться.

По времени они и поставили тут избышку. От этого вот Юрка Шмеля да Марфуши Зубомойки и пошла наша фамилия Шмелевых.

Демидовское подаренье, видишь, не больно дорого ему обошлось. Только и разорился, что велел

жене:

- Выдай Марфутке полушалок с узорными концами. Пускай все видят барскую награду за старанье. Нынешнюю награду с демидовской, небось, не сравнишь, потому как только теперь старинная работа в полную силу оценена. Всяк разумеет, что с маленькой Шелковой горки большую видать, и эта самая Марфуша по- другому кажется.

Заводские владельцы да царские чиновники, видишь, любили себя выхвалять, про мастеров да мастериц им и заботушки не было. Про иноземцев и говорить не остается. Эти по самохвальству первые мастера. Их послушать, так всегда они вперед других все придумали, а стань раскапывать, и выйдет - придумала итальянская Елена то, что твоя дальняя прабабка крепостная Марфуша умела делать на восемьдесят годов раньше.

Ты эту Шелковую горку и попомни, как случится про старину читать, особенно про нашу заводскую. Она, наша-то заводская старина, черным демидовским тулупом прикрыта да сверх того еще перевязана иноземными шнурками. Кто проходом идет, тот одно увидит, - лежит демидовское наследство в иноземной обвязке. А развяжи да раскрой - и выйдет наша Марфуша. Такая же, как ты, курносенькая да рябенькая, с белыми зубами да веселыми глазами. До того живая, что вот-вот придет на завод, по-старинному низенько поклонится и скажет:

- Здоровенько живете, мои дорогие. Вижу, - на высокую гору поднялись. Желая еще выше взобраться. При случае и нас с малых горок вспоминайте. Демидовской крепостной девкой звалась, а ведь не так это. Демидов, правда, от моей выдумки поживился, так от того я свое имя- прозвание не потеряла. Хоть Демидов и не подумал в мое имя медаль выбивать, и в запись я не попала, а по сей день мои-то пра-правнуки поминают Марфушу Зубомойку да ее муженька Юрка Шмеля. Выходит, не демидовские мы, а ваши. По всем статьям: по крови, по работе, по выдумке.